

Потык

Поежжал-то Потык Михайлушко да сын Ивановиц
Да во Орду, в землю да он неверную.
Да садилса Михайлушко дак на добра коня —
Да не видели поездки да богатырьское,
Только видели: в цистом поли курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит.
Не путём-то он ехал да не дорогою —
Да через те же он стены да городовыя,
Да через те же он ведь башонки на(й)угольния.
Да приехал в Орду, землю неверную,
Да он бил-топтал Орду, землю неверную,
Он красно-то золото катил телегами,
Он красных-то девушек табунами.
Он выбрал себе в замужесьво Марью-королевисьню.
Он привёз-то ко князю да ко Владимиру —
Да весёлым они пирком, да они свадёбкой.
Да и матушка кнегина да была сватьей же.
Они клали-то заповедь великую:
«Да которой умрёт — другому живком легци».
Уж тут выслушала Опраксия-королевисьня.
Поежжат-то Потык Михайлушко да сын Ивановиц
Он на вёшны на тихи да он на заводи
Он стрелеть-то гусей-лебедей да перелетных серых утоцёк.
Да уехал тут Потык Михайлушко да сын Ивановиц
Он на вёшны на тихи да он на заводи —
Тут егова Марья-королевисьня приставилась.
Настрелял он гусей-лебедей да перелетных серых утицэй,
Да приежжал он со вёшной с тихой да он со заводи.
Да стрецят ёго Опраксея-королевисьня:
«Уж ты ой, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!
Да приставилась Марья твоя да королевисьня!
Уж я цюла же у вас, да клали вы заповедь великую:
„Да которой помрёт — другому живком легцы“».
Ходил-то Михайлушко во кузницу,
Он ковал-то ведь прутьё железно же:

Да и три-то он прута да ишше железных же,
Да и три-то ишше прута да оловянных же,
Да и три-то ишше прута да он ведь медных же.
Да выкапывали Михайлушку тёмной подгрёб:
Да и сорок-то сажон да в ширину же ведь,
Ише сорок-то сажон да в долину же ведь.
Звали попа-та, оцця духовного;
Зарывали тут Потыка Михайлушка сына Ивановица
Со своей же со Марьей да королевисьней,
Да песком-то, хрящом ёго засыпали,
Завалили каменём да ишше серым же,
Да заклали-то плитьём ёго железным же.
Да и тут-то Михайлушку славы поют:
«Не бывать-то Михайлушку да на белом свету,
Не видать-то Михайлушку да свету белого!..»
Потухала зоря-та да как вецерьня же —
Да соскакивали с гробници обруци железны же,
Выставала тут Марья-королевисьня.
Да на ту пору Михайлушко ухватцив был:
Он светил-то свечи да воскуяровы,
О[н] брал шемьци-ти да всё калёны же,
Ей захватывал в шемьци-ти да всё калёны же,
Он сек-то ей прутьём-то железным же,
Он сек-то — обломал всё до рук прутьё!
Уж стала зоря-та ведь как утрянна —
Ишша пала тут Марья да во гробницу же,
Тут наскокивали обруци железны же.
Ишше стала потухать да зоря вецерьня же —
Да соскакивали-й обруци железны же,
Выставала тут Марья да из гробницы же.
Да на ту пору Михайлушко ухватцив был:
Да светил-то он свечи да воскуяровы,
Да и брал-то шемьци-ти да он калёны же,
Он захватывал Марью да королевисьню,
Да и сек-то он прутьём да оловянным же —
Он до рук-то все прутьё да обломал же ведь!
Ише стала зоря-та уж как утрянна —
Уж тут пала Марья да во гробницу тут,
Да наскокивали обруци железны же.

Потухала зоря-та да как вецерьня же —
Выставала тут Марья да из гробницы-то,
Да соскакивали обруци железны же.
Да на ту пору Михайлушко ухватцив был:
Да светил он тут свешши да воскуяровы,
Да и брал-то шемьци-ти да он калёны же,
Да захватывал свою Марью да королевисьню
Да и сек-то ей ведь прутьём медным же —
Да обломал-то он да до рук же всё!
Да и тут-то да ёму Марья да змолиласе:
«Некогда больше не буду да так ведь делать же!»
Заревел-то тут Михайлушко да по-звериному,
Зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,
Засвисте[л]-то Михайлушко по-соловьиному.
Да уцюли тут малы-ти ребята же,
Що ревёт-то тут Потык Михайлушка да сын Иванович.
Побежали они ко князю да ко Владимиру:
«Там ревёт-то в тёмном подгребы Потык Михайлушко да сын Иванович!»
Пошел же князь Владимир к попу, оццю духовному.
Выпускали Михайлушка из тёмна подгреба;
Ише прозвали: «Марья Безсмёртна же».
Тут задумал Михайлушко ехать на тихи на вёшны да он на заводи
Он стрелеть-то гусей-лебедей да перелетных серых утоцёк.
Он уехал на вёшны на тихи да он на заводи.
Тут приехал Вахрамей да Вахрамеевиць
Да взял силою у князя у Владимира —
Увёз силою Марью-ту Безсмёртну же.
Да приежжаёт-то Потык Михайлушко да сын Ивановичь
Он со вёшной со тихой да он со заводи —
Да стрецят-то ёго матушка кнегина Опраксея-королевисьня:
«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановичь!»
Приежжал-то Вахрамей да Вахрамеевиць
Да увёз у тя Марью да Безсмёртну же».
Да скорёхонько Михайлушко срежаицсэ,
Да круце того Михайлушко снарежаицсэ.
Говорит ему матушка кнегина Опраксея-королевисьня,
Да говорит-то ёму батюшко Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановичь!»
Ты не ездз сзади за Вахрамеём да Вахрамеевицом:

Потеряшь ты свою да буйну голову». —
«И две смерти не будёт, и без одной не миновать!
Ишше малы-ти рибята миня дразнить будут:
„Ишше здорово жинилсэ, да тебе не с ким спать!”»
Да и брал-то Михайлушко добра коня,
Да и брал-то копьё да долгомерное,
Да и брал ише сабёлку он вострую,
Ишше взял-то он палоцьку буёвую,
Да скорёхонько скакал он да на добра коня.
Да не видели поезки да молодецькоей —
Да только видели: в цистом поле курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит.
Не путём он пуехал да не дорогою —
Да через те же он стены да городовыя,
Да через те же новы башонки на(й)угольня.
Ехал он по полю-то цистому,
Да наехал-то он да на сырой же дуб —
Да у сыра-та дуба да и лютая змея да и тут привязана.
Он хотел ссекци у змеи-то да буйны головы —
Да и тут-то змея-то да ёму змолиласе:
«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!
Не секи ты у меня да буйны головы —
Отвяжи ты меня да от сыра дуба:
Да велико добро да я и сделаю!»
Да отвязывал Михайлушко змею-то да от сыра дуба.
Да поехал он по полю-то цистому,
Да наехал Михайлушко на бел тонкой шатёр.
Да заревел-то Михайлушко да по-звериному,
Да зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,
Да засвистел-то Михайлушко по-соловьиному.
Да услышила Марья да тут Бесмёртна же —
Да срежаласе в платьё да Вахрамеево,
Выходила ёна да из бела шатра
Да садиласе да на добра коня,
Да брала она копьё да долгомерное
Да съежжаласе с Потыком Михайлушком сыном Ивановицом.
Да кони у их да розбежалисе,
Да и копьеми ёни да столконулисe —
Да она вышибла Михайлушка да из седла-та вон.

Да соскакивала да со добра коня,
Тут брала Михайлушка да за русы кудри,
Привязала Михайлушка да ко сыру дубу,
Да взяла-то у Михайлушка добра коня,
Да садилась с Вахрамеём Вахрамеевицом на добрых коней.
Да поехали ёни по полю-ту цистому.
Да ползёт-то змея-та да как ведь лютая,
Перелизала опутинки шелковыя.
Да отскакивал Михайлушко да от сыра дуба,
Да вперёд-то ведь он да ище отправилсэ.
Ишше шол ведь он да по цисту полю —
Да стоит-то же тут да бел тонкой шатёр.
Заревел-то Михайлушко да по-звериному,
Зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,
Засвистел-то Михайлушко [да] по-соловьиному.
Да услыхала тут Марья Бесмёртна же —
Выходила тут Марья да из бела шатра,
Овёрнула Михайлушка да серым камешком.
Ишше тут-то Михайлушку славы поют:
«Не бывать-то Михайлушку да на белом свету,
Не видать-то Михайлушку да свету белого!..»
Да отправились во царсьво да Вахрамеёво.
Да идёт-то тут Михайлушку крестовой брат —
Да на камешки подпись была подписана:
«Тут лёжит-то всё Потык Михайлушко да сын Ивановиц».
Выздымал-то он камешок выше лесу-то стоячево
Да пониже ён облацька ходяцёво,
Он бросал-то на матушку сыру землю —
Да и надвоё камешок росколоса же.
Говорыт-то тут Потык Михайлушко да сын Ивановиц:
«Ише долго я спал, да уж ведь скоро стал».
Говорыт-то ёму тут как да крестовой брат:
«Ты дородно бы спал да вечно проспал бы тут!..»
Говорит-то тут Михайлушку крестовой брат:
«Не ходи ты-ко, ты, Потык Михайлушка да сын Ивановиц,
Да во то же во царсьво да Вахрамеёво:
У тя ссекёт же Вахрамей да буйну голову!»
Не послушал крестового названа брателка,
Он пошел же во цярьсво да Вахрамеёво.

Да приходит во царьско да Вахрамеево
Да заходит в полаты да белокаянны.
Да стрецят ёго Марья-та Бесмёртна же:
«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!
Да куды же ведь я да тя девать буду?
Да приедёт Вахрамей да Вахрамеевиц —
Да ссекёт у тебя да буйну голову!»
Да закинула под перинушку пуховую.
Да приехал Вахрамей да Вахрамеевиц.
Говорит то тут Марья-та Бесмёртна же:
«Уж ты ой еси, Вахрамей да Вахрамеевиц!
Кабы был эт<т>a Потык Михайлушко да сын Ивановиц,
Ише що над им да стал делать-то?»
Говорыт-то Вахрамей да Вахрамеевиц:
«Я отсекаю бы у ёго да буйну голову!»
Схватывала перинушку пуховую.
Тут увидял Вахрамей да Вахрамеевиц
Ише Потыка Михайлушка сына Ивановица.
Он хватал-то ведь сабелку-ту вострую,
Он хотел секци у Михайлушка да буйну голову.
Говорит-то ёму Потык Михайлушко да сын Ивановиц:
«Уж ты ой еси, Вахрамей да Вахрамеевиц!
Это не цесть-то, хвала твоя молодецкая;
Ты роскуй меня на стенушку городовую —
Тода пойдёт-то твоя цесть-хвала молодецкая!»
Росковал он на стенушку городовую
Ише Потыка Михайлушка сына Ивановица.
Да поехали гулеть да с Марьей Бесмёртной же,
Да гулеть по Михайлушковой смерти-то.
Да уехали уни да в цисто полё-то.
Да была у Вахрамея да Вахрамеевица,
Была доци-та Марфа да Вахрамеевна.
Говорыт-то ей Потык Михайлушко да сын Ивановиц:
«Уж ты ой еси, Марфа да Вахрамеевна!
Ты сойми меня со стены да городовой —
Я возьму-то тебя да всё в замужесьво».
Да сымала со стены ёго городовое.
Уж брал тут Михайлушко д[о]бра коня,
Да и взял-то сабёлку-ту вострую,

Да поехал в сугон да во цисто полё.
Да наехал Михайлушко их во белом шатри —
Да ссек-то он у их да буйны головы,
Да отсек-то у ей нос ведь с губами:
«Человала ты тотарына поганого!»
Да отсек-то у ей да руку правую:
«Обнимала ты тотарына поганого!»
Да россек-то он их на мелки рёчки,
Да россеял-розвеял да по цисту полю
На потарзаньё их да птицькам-пташицям,
На пограеньё их да черным воронам.
Да приехал Михайлушко в Вахрамеево царство же,
Да он взял-то в замужесьво Марфу Вахрамеевну.

(Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пóтруховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.